

Выходить ежедневно утром.

Цена отдельного номера

въ Латвіи: 12 сѣнт (6 лѣтв. р.)

въ Литвѣ: за оба издав. 60 цѣл.

СЕГГОДНЯ

Редакция, главная контора и экспедиция:

РИГА, Елизаветинская ул. (Elizabetes iela) № 83/85.

Телефонъ редакціи 199, ГЛ. КОНТОРЫ 39-90.

Отдѣленіе конторы: Рига, Известная 18, тел. 5-24.

Пріемъ по дѣламъ редакціи отъ 5 до 7 час. вечера.

Главная контора открыта отъ 9 час. утра до 5 час. вечера.

Рукописи не возвращаются.

ОБЪЯВЛЕНИЯ:

За строку петита на мѣсто — въ Латвіи			
въ теноть	Лѣ 1.20 (60 р. лѣтв.)		
предл. труда	„ —.14 (7 „ „)	} + 5% гор. налога	
спросъ „	„ —.30 (15 „ „)		
фирмы и увесел. учр. „	„ —.34 (17 „ „)		
позади текста	„ —.30 (15 „ „)		

Подписная плата въ мѣсяць:

въ Латвіи	Лѣ 3.— (150 руб.)
Заграницей	4.50 (225 „)
„	90 амер. центовъ)

Почтовый штикъ № 85.

Текущіе очета:

въ почтовомъ отдѣленіи въ Ригѣ	№ 115.
„ банкѣ Латвіи	№ 534.
„ коммерческомъ банкѣ, Ковно.	№ 638.

Недоброе слово.

Съ позволенія г-жи Гиппіусъ (а если нужно, такъ и безъ всякаго позволенія) мнѣ давно уже хочется поговорить объ ея статьѣ «Благоуханіе Сѣдинъ» (напечатана въ «Совр. Зап.»).

Не столько, впрочемъ, о сѣдинахъ и не столько о благоуханіи, сколько о неспокойномъ отношеніи къ покойному Чехову . . .

Очень это неспокойствіе поражаетъ и очень раздражаетъ. Совсѣмъ какъ заноза торчитъ въ памяти. Г-жа Гиппіусъ задумала поговорить объ отошедшихъ писателяхъ — о тѣхъ, кто былъ уже съдѣ, когда сама г-жа Гиппіусъ была еще молода: о Плещеевѣ, о Полонскомъ, о Вейбергѣ, о старикѣ Суворинѣ.

Дѣло это, конечно, доброе и для всѣхъ безобидное, а такъ какъ г-жа Гиппіусъ — человѣкъ очень талантливый, то подѣ ея перомъ даже и суворинскія сѣдины заблагоухали . . .

Но вотъ странность . . . Начавши о старикахъ, г-жа Гиппіусъ попутно и истати (а можетъ быть, и совсѣмъ неистати) перескочила на Чехова, хотя никакихъ сѣдинъ, — ни благоухающихъ, ни неблагоухающихъ у него не было.

И вотъ тутъ то и началось неспокойное отношеніе къ покойному писателю.

Г-жа Гиппіусъ не любитъ Чехова. Ее раздражаетъ его «нормальность» — «нормальный человѣкъ и нормальный прекрасный писатель своего момента», сказалъ про него однажды С. Андреевскій. Да, именно — момента — соглашается г-жа Гиппіусъ. Времени у Чехова нѣтъ, а моментъ очень есть. Слово же «нормальный» — точно для Чехова придумано. У него наружность «нормальная» — по немъ, по моменту. Нормальный провинціальный докторъ, съ нормальной степенью образованія и культурности, онъ соответственно жилъ, соответственно любилъ, соответственно прекрасному дару своему писалъ. Имѣлъ тонкую наблюдательность въ своемъ предѣлѣ — и грубоватая манера, что тоже было «нормально».

Даже болѣзнь его была какая то «нормальная», и никто себѣ не представитъ, чтобы Чеховъ, какъ

Достоевскій или князь Мышкинъ, повалился передъ невѣстой въ припадкѣ «священной» эпилепсїи, опрокинувъ дорогую вазу. Или — какъ Гоголь постился бы десять дней, съесть «Чайку», «Вишневы Сады», «Трехъ Сестеръ», и лишь потомъ умеръ! . . .

Безъ всякаго сомнѣнія, слово «нормальный» звучитъ у г-жи Гиппіусъ очень пренебрежительно. Не то, чтобы совсѣмъ мѣщанинъ, но во всякомъ случаѣ птичка-новельчикъ: времени у него нѣтъ, а только моментъ. Да и наружности настоящей нѣтъ — (провинціальный докторъ съ грубоватыми манерами). Только что талантливъ, но ужъ никакъ не интересенъ. И болѣзнь у него неинтересная, и жилъ онъ «соответственно», и писалъ «соответственно», и за женщинами ухаживалъ «нормально», и женился «нормально» и ни на грошъ у него не было «священной» эпилепсїи, а только мѣщанская чахотка . . .

Я знаю, что г-жа Гиппіусъ — очень умная женщина. И умная, и талантливая. Но, признаюсь, что презрительное отношеніе къ «нормальности» и смѣшить, и раздражаетъ.

— Подайте ей эпилепсїю! Подайте «священнаго» безумія! Она и слышать ничего не хочетъ о простой чахоткѣ! Но гдѣ ее взять эту эпилепсїю, если ея нѣту? И развѣ для всѣхъ обязательно? И развѣ всѣ должны быть пророками? И развѣ это стыдно — не быть пророкомъ?

Я думаю, что если бы Чеховъ былъ живъ, эти странныя вещи очень размышляли бы его и онъ могъ бы сказать:

— А развѣ я общалъ г-жѣ Гиппіусъ, что заболѣю эпилепсїей? Развѣ я общалъ быть пророкомъ и потомъ надулъ?

А можетъ быть Чеховъ сказалъ бы и иначе:

— А у васъ, Зинаида Николаевна, эпилепсїя есть? А вы «вазу» разбили? А вы «священное безуміе» провѣрили, когда выходили замужъ? Выходитъ, значитъ, что и вы нормальная женщина и даже болѣе: вы адеки нормальная, вы безнадежно нормальная женщина.

Это, вообще, очень странная идея — говорить не о томъ, что писатель какъ, а о томъ, чего онъ не далъ и не собирался давать. Не о томъ пре-

красномъ, что у него было, а о томъ превысиренномъ, чего у него не было.

— Этакъ любого писателя можно превратить въ ничтожество.

Непонятны мнѣ еще и слѣдующія слова г-жи Гиппіусъ: «Нормально» ухаживалъ за женщинами, «нормально» любилъ, «нормально» женился . . .

Я знаю, чего г-жа Гиппіусъ хочетъ: чтобы Чеховъ «повалился навзничъ» передъ невѣстой и разбилъ вазу. Любовь безъ «вазы» съ обыкновеннымъ вѣнчаніемъ въ церкви — это все равно, что бабальная чахотка вмѣсто интересной эпилепсїи. Но, ради Бога, кто же это изъ русскихъ писателей билъ вазу при женитьбѣ? Самъ Достоевскій — и тотъ «нормально» ухаживалъ, и «нормально» любилъ, и «нормально» женился.

— Ужъ чего нормальнѣе?

И потомъ: все, что поставлено въ счетъ Чехову, можно поставить и тѣмъ старикамъ, «благоуханіемъ сѣдинъ» которыхъ г-жа Гиппіусъ такъ очарована.

— Развѣ Плещеевъ женился въ припадкѣ «священной» эпилепсїи?

— Развѣ Вейбергъ «билъ вазу»?

— Развѣ Полонскій сжигалъ свои стихи и постился, какъ Гоголь?

Всѣ они были люди, болѣе или менѣе, нормальные: нормально ухаживали, нормально любили, нормально женились, нормально дожили до «благоухающихъ сѣдинъ». И передъ смертью никто изъ нихъ не болѣлъ «священнымъ безуміемъ», а всѣ страдали, такъ сказать, различной «подлой хворостью»: подагрой, склерозомъ, желудкомъ, сердцемъ . . .

Но и за всѣмъ тѣмъ, для всѣхъ для нихъ у г-жи Гиппіусъ нашлось доброе слово и только для Чехова не нашлось . . .

— «Провинціальный докторъ» съ дурными манерами съ ногъ до головы «нормальный», до отращенія «нормальный».

Я, признаюсь, совсѣмъ иначе смотрю на эту «нормальность». Я вижу въ ней душевное здорье и чеховскую нормальность очень облизую съ пушкинской нормальностью. Пушкинъ тоже былъ душевно здоровый (поразительно здоровый) человѣкъ. И все, что г-жа Гиппіусъ поставила на счетъ Чехову, можно поставить и Пушкину.

Ни малѣйшей «эпилепсїи» и никакихъ намековъ на «священное безуміе» кн. Мышкина. Нормаль-

но ухаживалъ, нормально влюблялся, нормально женился и, дѣлая предложеніе барышнѣ Гончаровой, не только не разбилъ вазы, но велъ самыя мѣщанскіе разговоры о приданномъ невѣсты и даже тещѣ денегъ дать на это приданное.

Попробуйте въ самомъ дѣлѣ судить Пушкина судомъ г-жи Гиппіусъ и вы увидите, какъ легко будетъ сдѣлать изъ него «мѣщанина».

Но лучше «не судите, да не судимы будете».

Чѣмъ же, однако, можно объяснить это неспокойное отношеніе къ покойному писателю?

Я не знаю чѣмъ, и не интересуюсь знать это. Но что г-жа Гиппіусъ пристрастна и даже придирчива — это слишкомъ очевидно.

По ея словамъ, выходитъ, что тонкій, умный, наблюдательный Чеховъ, настоящій аристократъ духа, повавши за границу, шатался среди сокровищъ искусства, какъ кубанскій семинаристъ и болѣе интересовался «дѣвочками» чѣмъ Венеціей и Ватиканомъ.

Вотъ что пишетъ г-жа Гиппіусъ специально о «дѣвочкахъ»:

«Чеховъ ровнымъ баскомъ своимъ рассказываетъ, что любитъ здѣсь (въ Венеціи) поиздѣе спрашивать каждую итальянскую «дѣвочку» — quanto? (сколько?). Болѣе подробныхъ наблюденій, за незнаніемъ языка, ему не удастся сдѣлать, — такъ, по крайней мѣрѣ, хотъ узнать, до чего можетъ дойти дешевизна. Онъ уже встрѣтилъ одну, которая отвѣтила ему, «single!»

Я не знаю, какъ вы, благосклонный читатель, а я думаю, что во всей русской литературѣ былъ только одинъ человѣкъ, который позволилъ бы себѣ такъ написать о жертвѣ писателя, да еще о такомъ писателѣ, котораго благоговѣнно чтить и любить вся Россія:

— Это Буренинъ!

Изволите ли видѣть, ходитъ «провинціальный докторъ» по всѣмъ Европамъ, ни уха, ни рыла ни въ чемъ не смыслитъ и даже не желаетъ смыслить и только ко всѣмъ «дѣвочкамъ» прицѣпляется. Прицѣпляется и потомъ г-жѣ Гиппіусъ, молоденькой русской дамѣ, «ровнымъ баскомъ» рассказываетъ, почему въ Италіи «дѣвочка» . . .

Повторяю, такъ написать могъ бы только Буренинъ. И мнѣ искренно жаль, что это литературное неприличіе и эта душевная грубость сорвалась изъ-подъ пера талантливой женщины.

Очень это тяжело видѣть . . .

АЛЕКСАНДРЪ ЯБЛОНОВСКІИ.